ПАЛЛАС П. С.

ПИСЬМА И РАПОРТЫ, НАПИСАННЫЕ В 1968-1769 ГГ. ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ПОВОЛЖЬЮ

ПЕТР СИМОН ПАЛЛАС
(22.IX.1741 - 8.IX.1811)

П.С. Паллас и И.И. Лепехин. Силуэт работы художника Ф. Антига 1784г.

Рапорт № 6 в Академию наук

10 ноября 1768 г., Симбирск

Уже в последнем рапорте из Пензы я был вынужден посетовать на плохую погоду и ранние холода, однако с тех пор у меня появились еще более веские основания для жалоб. Все мое путешествие из Пензы, откуда я уехал 15 сентября, до Симбирска, куда по причине плохой дороги и ветхости моих экипажей я смог попасть только 22 сентября, оказалось крайне неприятным из-за непогоды, когда мороз чередовался со снегом, бурей и дождем. Холод в первые дни путешествия был такой сильный, что ночью термометр обычно превышал отметку 160’, а однажды показал даже 165’. Внезапно начавшийся затем дождь, смешанный со снегом, сделал путешествие ещё несноснее.

Непогода и выпавший всюду глубокий снег также явились причиной того, что в пути я не смог сделать много наблюдений. Хотя местность по большей части гориста, однако холмы, как правило, состоят лишь из глинистого колчедана или песчаника. Все же кое-где на возвышенностях, особенно у деревни Озерки и у Сызгана, видны следы медной низкокачественной руды.

По пути к Симбирску попадаются холмы, целиком состоящие из белого мелового мергеля, в котором содержатся некоторые окаменелости. Крестьяне называют его опокой, хотя и не пользуются им. Подобная гора находится у деревни Соплевки, а подальше, в стороне от дороги,— еще несколько. Где бы я ни приказывал копать, начиная от Соплевки до Симбирска и в самом Симбирске,— всюду под черной землей и 2 — 3 футовым слоем суглинка натыкались на этот мергель, более или менее напоминающий известняк. Волжские черноземные жирные пашни, после того как они истощатся в результате возделывания злаковых культур, полезнее всего было бы, мне кажется, опять удобрить этим мергелем, который на определенной глубине можно, видимо, найти здесь повсюду, а после недолгого держания под паром поля эти снова бы обработать. Если же со временем, вследствие резкого прироста населения, здешних пахотных земель станет меньше или размеры их, по сравнению с нынешними, сократятся, то в этом случае придется прибегать к подобным средствам улучшения истощенных пахотных полей, остающихся сейчас невозделанными.

По пути в Симбирск, на горе близ Елок-Городища, мне попался также старый татарский вал или земляное укрепление, каковых в этих краях встречается немало. Леса между Пензой и Симбирском, должно быть, богаты растениями, однако, кроме некоторых прекрасных мхов, я здесь для себя ничего больше не нашел.

В Симбирске я получил наконец столь долгожданный ответ от Его сиятельства нашего милостивейшего шефа, а также из Академии. Рекомендованные Императорской Академией предписания я буду стараться выполнять впредь наилучшим образом. Все-таки удивительно, что не удалось прочесть номера, которыми были помечены посланные из Москвы окаменелости, поскольку я, кроме номера, проставленного на оберточной бумаге, приложил к каждому экземпляру

еще особый, написанный на белой бумаге в сложенном пенном виде, и повредить номера было непросто. Может быть, причиной их порчи явилась переупаковка этих окаменелостей, последовавшая из-за отказа Московской ямской канцелярии. Но поскольку теперь, благодаря новому всемилостивейшему указу, который, по-видимому, произвел большое впечатление, все препятствия по пересылке собранных коллекций устранены, то я приложу старания, чтобы, с моей стороны, в будущем ничего не было упущено для обеспечения надежного и бережного их сохранения и пересылки.

Так как вскоре после моего приезда в Симбирск опять установилась хорошая погода, то я решился еще в этом году совершить небольшую поездку по Ставропольской провинции в Самару. Дабы наше путешествие принесло в будущем пользу, я счел крайне необходимым встретиться с г. статским советником фон Рычковым и посоветоваться с ним, как с человеком, превосходно знающим Оренбургскую губернию, тем более что расстояние было не очень велико. Посему я направился прямо из Симбирска в Спасское село, где обычно останавливается господин статский советник. Добрый и дружеский прием, который мне был оказан у этого почтенного человека, достоин всяческих похвал, но я должен также засвидетельствовать, что при общении с ним у меня возникло немало дельных соображений относительно моего будущего путешествия.

От Симбирска до Спасского я ехал без остановки день и ночь, отчасти благодаря вновь установившейся сейчас зимней погоде, отчасти потому, что этот участок уже объехал г. доктор Лепехин, отчасти же по той причине, что равнинные и в большинстве своем распаханные земли на Черемшане не сулят, как кажется, больших перспектив. Лишь в силу того, что г. доктор Лепехин не доехал до Кичуйского полевого укрепления, неподалеку от которого находятся медеплавильный завод, принадлежащий купцу Глазову, и различные рудники, я сделал небольшой крюк, чтобы осмотреть их.

Из Спасского я намеревался ехать прямо через Черкасск в Самару, но сильный мороз и глубокий снег сделали бы эту поездку совершенно бесплодной, хотя от нее можно ждать многого по части окаменелостей. Итак, чтобы проделать обратный путь с пользой, не оставалось ничего другого, как избрать маршрут, которым проследовал и г. доктор Лепехин,— вдоль реки Сока. Этой дорогой я хотел проехать давно, еще будучи в Самаре, имея в виду описанные доктором Шобером серные источники, тем более что для изучения здешних мест было бы небесполезно осмотреть состояние удивительных источников при нынешних сильных морозах. Мне посчастливилось не только воспользоваться такой возможностью, но и встретить еще несколько серных источников, отличных от тех, что посетил г. доктор Лепехин. И вообще, я так очарован достопримечательностями реки Сок, что прошу вновь разрешить мне предпринять небольшую экскурсию к протекающей неподалеку реке будущей весной, когда объеду самарские края, с тем чтобы дать, насколько возможно, точное описание местности между этой рекой и рекой Сургутом, чего нельзя сделать в нынешнее позднее время года.

Весь участок на Соке от его истока очень горист, особенно же - северная сторона реки. Эти сплошь флецевые формации, являющиеся, по-видимому, отрогами Урала, состоят, по большей части, из известняковых гор и песчаниковых скал; однако в очень многих местах, прежде всего в верховьях реки, видны также следы медистого сланца невысокого качества и песчаниковой руды. Горы по правому берегу реки тянутся полосой не шире 16 верст и теряются в степях, ограниченных Черемшаном; с левой, или южной, стороны горы более плоские, но они шире и по-видимому, связаны с горами по реке Самаре. Все холмы покрыты черной землей точно так же, как на Черемшане, Волге, Суре. Земля эта кое-где весьма напоминает битум; во всей местности с трудом отыщешь небольшой березняк. Первая достопримечательность, которую встречаешь, когда едешь вниз по Соку, это мощный нефтяной ключ у речки Байтуган. Последняя впадает в Сок приблизительно в 40 верстах к северо-востоку от его истока, а между деревнями Семеново и Байтуганбашем вытекает из пяти источников (не считая нефтяного ключа, который присоединяется к одному из мих). Этот нефтяной ключ находится в 4 верстах к юго-востоку от Семенова на западной стороне весьма протяженной горы, у самой ее подошвы, в поросшей березами лощине, по которой течет, извиваясь, один из источников речки Байтуган. Гора, как и соседние холмы, покрыта угольно-черной довольно жирной битуминозной почвой. Хотя ширина и глубина ключа примерно 3 фута, он вовсе не бурный, и течение его едва заметно. Вода в нем, однако, не замерзает и в самую суровую зиму; вот и теперь, когда все ручьи и реки уже покрыты толстым слоем льда, на ключе не заметно и следа обледенения.

Термометр, который в очень холодное утро, когда я был на ключе (18 октября), показывал на воздухе 159'— 160', в воде поднялся до отметки 138', хотя я не опускал его на самое дно, где, собственно, и бьет ключ. Недели три тому назад, будучи у этого источника, г. доктор Лепехин собрал всю нефть, которая там была. К моему удивлению, я обнаружил, что источник опять покрыт внушительной — особенно около горы — смолистой оболочкой почти в палец толщиной, так что я смог собрать б — 7 фунтов ее. Поскольку со времени пребывания здесь господина доктора мороз едва ли ослабевал хоть на несколько дней, а воздействие солнца на западной стороне горы весьма незначительно, то из этого обстоятельства, как и факта отмеченной теплоты источника видно, что подземный жар неизбежно должен выделять разжиженную нефть либо из имеющейся в горе битуминозной земли, либо из залежей угля; это я постараюсь установить весенними раскопками. Очевидно, что если источник и занесет зимой снегом, то очень скоро своими испарениями он проделает в снегу протоку и будет постоянно дымиться, что довольно хорошо заметно уже и сейчас.

Живущие в округе чуваши и татары усердно собирают смолу и употребляют ее наряду с водой источника при различных заболеваниях. Самым удивительным мне показалось лечение колик, когда они варят полную ложку смолы в молоке, которое становится от этого как сливки, и пьют его, благодаря чему должны испытывать довольно сильное опьянение.

У татарской деревни Камышлы, в 15 верстах от Семенова, находятся почти сплошь известняковые горы. Так, примерно в 1 версте от деревни, у самой реки Сок,

расположен ряд совершенно почти голых белых известняковых скал, у подошвы которых вытекает небольшой источник. Вода в источнике очень сильно пахнет серой и образует серные цветы, хотя и в небольшом количестве, поэтому татары называют его Кюкерт, что на их языке означает «сера». Чтобы доехать отсюда до необыкновенно примечательных серных мест, нужно опять перебраться на южный берег Сока и все дальше от него удаляться, пока, минуя небольшую равнину, не попадешь снова в гористую местность, расположенную в 42 верстах от Камышлы, у деревни Микушкиной, недалеко от маленькой речки Сургут. Здесь, с левой стороны от реки Чумбулат, текущей через деревню в Сургут, находятся два серных озера, большее из которых питается сильным ключом, бьющим у подошвы плоского холма. Оба выделяют совсем немного серного вещества, но зимой не замерзают. Тамошние чуваши пользуются водой в банях, чтобы лечиться от всевозможных кожных болезней.

Не далее чем в 4 верстах вниз по Сургуту, у самой реки, немного выше деревни Иткушкиной, находятся три примечательных и мощных серных ключа. Один из них, некогда, по-видимому, наиболее значительный, был поглощен прудом от построенной на Сургуте мельницы. Теперь же он заметен лишь по белому пятну на дне, покрытом серным веществом, да еще благодаря тому, что вода здесь никогда не замерзает. Второй ключ, образовавший по левую сторону от Сургута небольшую стоячую лужу, промывается теперь водой от мельницы. Третий, по правую сторону реки, еще и сейчас имеет вид большой отстойной ямы. Она примечательна необыкновенно густым сернисто-известковым желе, толстым слоем покрывающим дно и всякие сучья на нем, а также своим Tophi, под которым растущий по краю мох как бы весь окаменел.

Отсюда вниз по Сургуту по правую сторону тянется гряда известняковых гор различной высоты, находящихся друг оп друга на разном расстоянии. Однако у мельницы, по левую сторону, там, где вынута почва для заполнения бреши в плотине, сразу же под дерном я, к моему великому удивлению, обнаружил почти на полсажени обнаженный и уходящий в глубину слой, состоящий из мелкой земляной сыпучей и совсем не связанной золы, перемешанной с большим количеством несомненно выжженного серого известняка. Надобно заметить, что ключ вышеупомянутого большого озера у Микушкиной выбрасывает точно такую же золу, и вероятно, все серные источники, находящиеся в округе и за ее пределами, промыли грунт на значительную глубину, поскольку эта земляная зола, которая легко уносится водой, лежит повсюду на дне. Будущей весной я попытаюсь прояснить все это с помощью раскопок и других исследований, провести которые ныне оказалось невозможно из-за снега и мороза.

Если поехать между Сургутом и упомянутой грядой известняковых гор вниз, то через несколько верст попадешь на знаменитый Молочный ручей или Молочную речку. Эта речка с прозрачной водой, берущая начало в горах, приблизительно в 8 верстах от Сургута, течет на северо-восток; пробежав почти 7 верст, она впадает в так называемое Серное озеро, расположенное в одной версте от Сургута и в 5 верстах от деревни Иштулкиной. Занимая глубокий бассейн: между известняковыми горами, оно питается единственным большим источником, не считая одного

маленького ключа, втекающего в речку еще до ее впадения в озеро. Из озера выходит большой канал, который впадает в Сургут, удаленный почти на версту. Этот канал, собственно говоря, и зовется Молочной речкой, что вполне справедливо, хотя название это перенесли и на речку выше озера, куда текут ее светлые воды.

Хотя вода в Серном озере и в истоке Молочной речки весьма прозрачная, она тем не менее покрывает все дно толстым слоем желеобразного сернистого песка и имеет такой сильный запах Hepatis sulphuris, или тухлых яиц, что с подветренной стороны вонь можно учуять за две версты. Ибо сернистое вещество здесь, как и во всех находящихся в округе сернистых водах, посредством смешения с щелочной землей, вымытой из соседних известняковых гор, выделяет настоящую Hepar sulphuris, хотя и особого рода. Шагов через 150 вода в Молочной речке понемногу начинает белеть, как сыворотка, и таковую окраску она придает также и Сургуту, в который вливается. Этот цвет, образующийся от осадочного известнякового вещества, высвобожденного серой, и белая, как молоко, желеобразная известковая сернистая оболочка, полностью затягивающая канал изнутри, являются более чем естественным оправда нием названия речки, принятого у русских и татар. (Татары называют речку Убран-ли, а чуваши — Эрен, что на их языке значит «текущее кислое молоко». (Примеч. П. С. Палласа.) Таким образом, серная оболочка, покрывающая илистое дно самого озера, не белого цвета, а чаще всего имеет неприятный оливковый или темно-серый оттенок, который, возможно, обязан своим происхождением зеленой растительной водной субстанции. Те места, где в озере гниют груды ветвей и березовых листьев, окрашиваются в красивый пурпурный цвет.

Самое удивительное во всех этих сернистых водах, хотя подобное наблюдается и близ Акенера, и на других серных источниках,— везде, где я побывал,— это нежные параллельные нити сернистой оболочки, придающие ей вполне органический вид, и серные цветы, особенно часто встречающиеся там, где сильное течение. Эти серные цветы, словно маленькие нитчатки (Confervae), выросшие в виде кисти из сернистой оболочки, но отнюдь не растительного происхождения.

Вокруг Серного озера разбросано великое множество малых гор, образовавшихся будто при рытье кротовых нор и несомненно, свидетельствующих о бушевавшем здесь некогда подземном огне. На Серном озере и истоке настоящей Молочной речки льда почти совсем нет, а далее по течению он громоздится в виде беспорядочной массы из отдельных, торчком стоящих плит, имеющих форму параллелограммов,— подобного мне видеть нигде не доводилось.

В пяти верстах от Серного озера попадаешь в чувашскую деревню Иштулкину. Если от нее проехать 3 версты в северном направлении, то окажешься возле двух мельниц, построенных на речке Шумбут. За ними начинается горный хребет, вздымающийся, как вал, и тянущийся более двух верст вдоль Шумбута почти до деревни Якушкиной. В лощине у подошвы этого горного хребта, на речке Шумбут, имеются еще три мощных серных ключа. Первый из них образует внушительное озеро, а два других — бурные ручьи, но все они выделяют очень много серного

вещества. Этих трех источников, вышеупомянутых трех ключей у Иткушкиной и малых серных озер у Микушкиной, г. доктор Лепехин не видел, поскольку его проводник не мог сообщить об этом никаких сведений.

В 5 верстах к северо-западу от Якушкиной я также посетил упоминаемый доктором Шобером нефтяной источник, но тот оказался под толстым слоем льда. Ключ бьет в плоской лощине, грунт которой повсюду очень сильно пахнет нефтью. Вероятно, ключ начинает мощно бить только весной, а потому солнце, как кажется, имеет здесь главное значение. В этой же лощине струится и серный ручеек поменьше, который не замерз. Недалеко от него есть высокая гора, состоящая из гипсового камня, смешанного с мергелем; на стороне горы, обращенной к этой лощине, имеется глубокий котлован. Его можно было бы счесть за кратер бывшего вулкана, если бы не предположение, что, быть может, в надежде найти богатую серную руду, здесь копали еще в те времена, когда у большинства вышеупомянутых серных источников стояли серные заводы, о коих говорит и господин Шобер. Возможно, заводы прекратили свое существование только потому, что никто не знал, как по-настоящему взяться за дело и как вести его дальше,— я, по крайней мере, не могу найти этому иного объяснения, разве что причиной могла быть нехватка дров.

Последний серный источник, который я осмотрел уже в сумерках, ибо более подробное исследование отложил до весны, удален от Сергиевска всего лишь на пять верст по прямой, его-то и описал в своих Miorabilibus RussoAsiaticis доктор Шобер. Несносная погода вынудила меня спешно выехать отсюда в Сергиевск и далее проследовать без остановок в Ставрополь, где я задержался всего на один день. Я хотел переправиться через Волгу немного ниже Ставрополя у Маркваша и по той стороне проехать вверх к Симбирску, однако сильный ледоход сделал невозможной здесь переправу на маленьких лодках.

к тому же мой запущенный геморрой, дававший о себе знать уже в Симбирске, из-за холода и езды так обострился, что в пору было приискать спокойное пристанище. Я проделал весь путь, имея всего несколько кибиток и лошадей, поскольку всех лишних людей из моего сопровождения оставил в Симбирске, куда вернулся 22 октября. Еще раньше я имел договоренность с г. доктором Лепехиным относительно того, чтобы там перезимовать: ведь эти места нужно было обследовать вплоть до Сызрани, а в нынешнем году из-за плохой погоды сделать это толково уже не представлялось возможным. Но в том, что настоящие места богаты окаменелостями и иными достопримечательностями, прославленная Академия сможет убедиться, осмотрев окаменелости, собранные мною в окрестностях Симбирска. Сразу же после Нового года я перешлю их на санях вместе со всеми другими коллекциями, коих немало скопилось со времени моего отъезда из Мурома.

***

Так как у меня все лето не было егеря, то в моей кассе осталось егерское жалованье из расчета 6 руб. 66 1/2 коп. в месяц за июнь, июль, август и сентябрь, итого 26 руб. 66 коп. И хотя потом, 23 сентября, сразу по приезде в Симбирск я и

нанял егеря, но договорился, что буду выплачивать ему только по 1 руб. в неделю, т. е. 52 руб. в год. Таким образом, теперь, покуда я держу этого егеря, в кассе ежегодно будет оставаться излишек в сумме 38 руб. от егерского жалованья. Дело в том, что мне не был четко определен фонд для покрытия мелких расходов на вознаграждения, которые Его сиятельство наш шеф велел выдавать егерю за каждый экземпляр нового вида птицы или иного убитого животного (по 5 коп. за штуку), а также для покупки у крестьян и звероловов водящихся еще где-либо птиц и зверей. Посему я прошу позволения и письменного разрешения на постепенное расходование остатка егерского жалованья за этот год и быть может, последующие годы — на покупку зверей, птиц, рыб и прочей мелочи для Кунсткамеры и Кабинета естественных редкостей, а также вести расчеты под особой рубрикой. Отчет за этот год я вышлю не раньше, чем получу от Академии на сей счет письменное разрешение.

Пребывая в полной уверенности, что это мое предложение не вызовет неудовольствия у Академии и будет одобрено Его сиятельством нашим милостивейшим шефом, и движимый любовью к зоологии, коей, из-за отсутствия егеря, мне в это лето не удалось уделить сколько-нибудь серьезного внимания, я послал сейчас из Спасского в расположенный неподалеку от него город Оренбург приданного моей экспедиции капитана фон Рычкова. В соответствии с данной ему инструкцией, присовокупляемой к настоящему рапорту в приложении под литерой «А», он должен добыть там как можно больше всевозможных редких зверей и птиц, частично для украшения Императорского естественно-исторического кабинета, частично для моих описаний и анатомических штудий. В этой связи я обратился с письменной просьбой в Оренбургскую губернскую канцелярию, дабы ему оказывали всяческое содействие.

Далее я просил канцелярии Бугульмы, Ставрополя и Симбирска дать в этих городах объявления о том, что крестьяне, которые принесут в канцелярию каких-либо из перечисленных в объявлении зверей со шкурой и мясом, получат за них плату, несколько превышающую обычную стоимость шкур. Животных же мне будут пересылать из Оренбурга и указанных мест в замороженном виде.

Поскольку и летом при постоянных разъездах, видимо, не представится возможности заниматься набивкой чучел животных и их хранением, то к весне я намереваюсь также послать наперед в Царицын моего чучельника Шумского и одного студента, чтобы они до июля собирали там зверей, птиц, рыб, насекомых, растения и окаменелости, после чего отправились бы в Гурьев, где в ожидании моего приезда продолжали бы сбор коллекций. Таким образом, располагая свободным временем, они принесут гораздо больше пользы, чем если бы я без нужды держал их при себе. Вообще, этим летом я — не без потерь — осознал многие выгоды, которые, ежели все пойдет хорошо, надеюсь, сделают мое путешествие в будущем плодотворнее, тем более если я еще немного продвинусь в знании русского языка. Касательно всего этого я буду ждать одобрения Академии, когда представлю измененный план путешествия на будущий год. Произойдет же это не ранее, чем мы получим известие от г. профессора Фалька. Между тем я занимаюсь сейчас переписыванием набело моего дневника и прочих бумаг, а затем

всерьез возьмусь за упаковку окаменелостей и других коллекций, чтобы после Нового года можно было отправить все разом.

Его сиятельство приказали присылать время от времени, хотя бы раз в году, небольшое сочинение о достигнутых в путешествии успехах и примечательных открытиях, которое можно было бы сделать достоянием публики. Итак, я беру на себя смелость предложить сейчас Академии наше совместное с г. доктором Лепехиным одно такое сообщение, приведенное в приложении под литерой «В». За отсутствием более важных открытий я изложил его лишь кратко, дабы не навлечь на нас насмешек со стороны описанием вещей малозначительных.

П. С. Паллас

Ф. 3, оп. 32, д. 12, л. 22 — 27 об. Автограф.

Письмо Г. Ф. Миллеру

10 ноября 1768 г., Симбирск

Высокоблагородный и достопочтенный господин коллежский советник, высокочтимый покровитель!

В обоих Ваших почтенных посланиях, кои я имел удовольствие получить по моем возвращении в Симбирск из путешествия, совершенного по Ставропольской провинции и в частности, вниз по Соку, не содержится ни малейшего упоминания о письме, направленном мною Вашему высокоблагородию из Мурома; очевидно, когда Вы отправляли Ваше последнее письмо, мое было еще в пути. И все же я не могу поверить, чтобы это письмо, сданное под расписку в Муромскую канцелярию 17 августа одновременно с пакетом для Академии в С.-Петербурге, могло совершенно затеряться. Напротив, я думаю, что Вы его еще получите после отправки Вашего последнего письма, или же оно найдется, если сделать запрос.

В нем я поведал Вам о некоторых татарских древностях, находящихся в Касимове, куда я направил свой путь из Владимира. Древности эти состоят из ханской гробницы со многими арабскими надписями, минарета, или башни, и из руин ханского дворца. Находятся они в тамошней татарской слободе, большей частью в саду, принадлежащем генералу Симонову.

Я имел бы честь написать Вашему высокоблагородию еще раз, если бы меня не отвлекали от этого постоянные дорожные треволнения. Теперь, когда я обосновался в Симбирске, ибо подумываю перезимовать здесь с г. доктором Лепехиным, я спешу исполнить свой долг и одновременно высказать Вам мою искреннюю благодарность за любезную заботу о пересылке мне писем и за дружеский тон Ваших посланий.

За время моего путешествия я до сей поры встретил немного примечательного, что было бы достойно внимания Вашего высокоблагородия. Исключением здесь

являются памятники в Касимове. Быть может, не совсем безынтересны будут для Вас мои заметки о двух разных племенах мордвинов. Дело в том, что мокшане, описанные господином фон Страленбергом как особый народ, в действительности являются племенем, во многом отличным от большой массы мордвинов, называющих себя «эрзад», или с русским окончанием, «эрзени». Большинство этих мокшан, как они называют себя сами в более узком смысле (хотя это наименование связывается и с мордвинами вообще), обитает по ту сторону Суры в исключительно лесистой местности. Но я встречал отдельных представителей и в окрестностях Пензы, где вообще-то повсюду живут эрзяне; многие, по-видимому, селятся западнее Инсара в лесистых краях по Мокше. Прилагаемый мокшанский вокабулярий представит Вашему высокоблагородию доказательство того, что эти два племени действительно различны. Они и сами проводят между собой четкую границу. В женской одежде у них также много отличий, которыми они разнятся друг от друга. Шапки у женщин более низкие, без погремушек. Зато на уши они цепляют всевозможные колокольчики. Хотя волосы и заплетены сзади в множество кос, последние, однако, не удлинены овечьей шерстью до колен, как у мокшан. Наряжаясь же к праздникам, они закрепляют в этих косах круглый кусок дерева, на конце которого привязан пучок длинных, свободно развевающихся человеческих волос наподобие конского хвоста. Их праздничные одеяния также намного изящнее, нежели эрзянские, и они не надевают, как те, несколько рубах одну на другую, а носят, уподобляясь чувашам, летом и зимой, в будни и праздники только одну рубаху с вышивкой на обычных местах. Я велел зарисовать женские костюмы двух этих народов, то же самое я намерен делать и в отношении прочих встречающихся женских нарядов. Особенно примечательным показалось мне то, что мокшане уделяют лекарственным травам значительно больше внимания, чем все виденные до сих пор народности; и в сенях у них во всякое время висят разные сушеные травы для лекарств или крашения. Подобного никогда не встретишь у эрзян. Их избы, как и у последних, всегда ориентированы входной дверью на восток, а печь без дымохода в углу — на юго-запад.

Сейчас все эти люди обращены (в христианскую веру), и я не смог разузнать ничего достоверного об их древних обычаях. Один только обряд сохраняется у них и поныне: это когда молодым замужним женщинам на следующий день после обручения трижды ставят на голову хлеб, в который запечены монета и платяная пряжка, пои этом старейшина произносит три имени: Tatei, Masei, Pawei; то слово, которое старейшина пожелает произнести последним, должно оставаться прозвищем молодой женщины на всюжизнь.

Я не знаю, достойно ли упоминания то, что во время путешествия из Пензы в Симбирск в 48 верстах от Пензы, на речке Елок, у деревни Городище, мне встретилось довольно хорошо сохранившееся татарское земляное укрепление. Похожее сооружение осматривал г. доктор Лепехин у Промзина Городища неподалеку от Алатыря на Суре, и таковых в тех краях можно найти немало. Описание его из-за недостатка места я приберегу для другого письма, если в том будет необходимость. Засим остаюсь с искренним уважением Вашего высокоблагородия покорнейшим слугой.

P. S. Я осмелился вложить несколько писем, поскольку опасаюсь, что канцелярия не сможет выслать их вовремя. Господину профессору Гмелину посылаю письмо, которое я получил для него из имений господина графа Орлова.

П. С. Паллас

Ф. 21, оп. 3, д. 222, л. 3 — 4 об.

Автограф.

Письмо Г. Ф. Миллеру

18 ноября 1768 г., Симбирск

Высокоблагородный господин коллежский советник,

многоуважаемый покровитель!

Несколько дней назад я имел честь писать Вашему высокоблагородию, воспользовавшись конвертом Московской губернской канцелярии, причем позволил себе помимо мокшанского мордовского вокабулярия вложить также несколько писем г. профессору Гмелину, г. доктору Риндеру и Мауту. Об одной вещи я написать позабыл; а поскольку как раз сейчас мне опять представилась возможность отослать письма в Московскую канцелярию, то я осмеливаюсь еще раз побеспокоить Ваше высокоблагородие своим посланием.

Дело в том, что еще в Москве, помнится мне, слышал я от Вас, будто господин Плениснер, путешествовавший с покойным Стеллером во время Камчатской экспедиции, ныне служит воеводой на Камчатке или по крайней мере, там командует. Так вот, поскольку мне хотелось бы иметь об этом более подробные и достоверные сведения, дабы можно было, не сомневаясь, писать упомянутому господину Плениснеру через Иркутскую канцелярию, то я покорнейше прошу Ваше высокоблагородие сообщить мне при случае, что Вам известно о характере вышепоименованного господина Плениснера и как подобает к нему обращаться. Мы здесь в немалом замешательстве из-за г. профессора Фалька. Еще в сентябре я послал для него в Пензенскую канцелярию письма, а в октябре велел снарядить нарочного до Арзамаса. Однако на письма никакого ответа я не получил, нарочный же возвратился, так и не сумев ничего разузнать. Мне остается только предположить, что он занемог и слег либо застрял из-за скверной погоды в Москве или неподалеку от нее. Ныне я решился на еще одну, последнюю попытку и послал для него письма одновременно в Москву, Рязань и Саратов.

Я прошу заверить Вашу супругу в моей преданности и при случае засвидетельствовать мое почтение г. доктору Кулеману. Уверяю Ваше высокоблагородие, что никто не испытывает такой истинной преданности и глубокого уважения, как я.

Ваш покорнейший слуга,

П. С. Паллас

Ф. 21, оп. 3, д. 222, л. 5 — 5 об. Автограф.

Рапорт № 7 в Академию наук

7 декабря 1768 г., Симбирск

Только после отправки моего последнего рапорта мне стало известно, что из-за небрежности студента, который, согласно высказанному Императорской Академией наук требованию, должен был приписывать наименования мест по-русски, а также из-за недосмотра с моей стороны в упомянутом рапорте русское написание отсутствовало. Прошу простить мне этот промах. Я мог бы еще сейчас приложить русский перечень встречающихся в том рапорте названий, если бы их все нельзя было прочесть в моем путевом дневнике, который я перешлю через несколько недель. Однако впредь я буду внимательнее.

Ныне я с удовольствием сообщаю Императорской Академии наук следующее. Утром 17 ноября прошлого месяца состоящий при моей экспедиции чучельник Павел Шумской был послан мною за некоторыми рыбами и другой водной живностью к одному небольшому озеру, находящемуся под самой горой, на которой стоит город Симбирск. У подошвы Симбирской горы, в песчаной долине, бывшей некогда древним руслом реки, а теперь называемой Старая Волга и большую часть года обезвоженной, ему посчастливилось открыть немалое количество прекрасного сланцевого каменного угля, выбрасываемого Волгой во время весеннего паводка. Тем самым у меня появился повод для изучения указанного места, лежащего выше по течению Волги, откуда происходит этот уголь. Затем тот же Павел Шумской, возвращаясь недавно из Казани, куда я послал его 2 декабря с целью раздобыть кое-каких животных, верстах в 20 строго к северу от города, на правом берегу реки, нашел и открыл угольный пласт в горе, на которой расположена деревня Городище, принадлежащая г. полковнику Василию Борисовичу Толстому. Гора в этом месте круто обрывается к реке, обнажая свои слои. Во время половодья Волга вымывает из пласта все сланцевые угли, которые лежат россыпью по берегу вплоть до Симбирска и ниже.

Этот пласт проходит по большому участку берега через широко раскинувшийся холм, соединяющийся на юге и юго-западе с другими холмами; его высота по вертикали в самой возвышенной части северного выступа, вероятно, несколько более 20 саженей. О мощности пласта сейчас судить невозможно из-за лежащего снега и земли, что обрушилась сверху и теперь сильно смерзлась. Но можно предположить, что он достигает уровня реки или идет еще ниже и на глубине облагораживается. Протяженность пласта столь значительна, что его не исчерпать при непрерывной разработке в течение многих лет. К тому же в теплое время года уголь становится необыкновенно легким, и его можно добывать простой мотыгой и

лопатой. Что же касается транспортировки, то более удобного пласта найти невозможно. Над угольным пластом на высоте едва достигающей трех, самое большее пяти-шести саженей, как правило, лежит смешанный суглинистый грунт. Верхний слой или крыша пласта — это уже весьма хорошо горящий каменный уголь, хотя и с вкраплением множества отпечатков мелких морских тел, таких, как аммониты, орбикулиты, пектунктелиты и т. п. В целом слой представляет собой твердое и очень богатое горючим веществом образование, которое никак нельзя сравнивать с теми битуминозными сланцами, что открыл г. статский советник Рычков у татарской деревни Тойкино на речке Мелланса. Я велел испробовать этот уголь в кузнице и нашел его превосходным. Он легко горит, давая большой жар и пламя, как шотландский уголь, и тоже сгорает до серой золы, иногда с ржавым налетом, но не до шлака, как английский; зола эта, подобно углю, распадается слоями. При горении уголь выделяет, скажем прямо, неприятный запах, который весьма напоминает запах Gummi anime когда ее бросают в огонь. Очень быстро воспламеняется он и от свечи. Случайным образом я также открыл, что его можно употреблять в живописи в качестве умбры для [приготовления] масляных красок. Более подробное описание пласта и местности можно будет сделать весной.

При сем я посылаю, однако, ящичек с образцами этого угля, в котором самые верхние экземпляры — из числа тех, что достигают с пластом Симбирска и имеют сглаженные углы; нижний же образец добыт у деревни Городище из самого пласта, а именно из его верхнего слоя. Первые, видимо, более близки к антрациту и потому, вероятно, скорее всего происходят из глубинных слоев. Я полагаю, что открытие этого каменного угля, находящегося в горе, о котором ничего не знал даже ее владелец, может иметь исключительно важное значение и принести пользу всем волжским городам, особенно же тем, что лежат ниже Казани, ибо там из года в год все сильнее сказывается нехватка дров. И мне доставляет большое удовольствие назвать Академии первооткрывателя этого полезного ископаемого. Впрочем, он и без того заслуживает похвалы за свое усердие и проявленную добрую волю. Получив от меня наставления, он теперь стал еще и весьма хорошим рудознатцем.

Гора, где был открыт уголь, примечательна кроме всего прочего еще и старым, по-видимому татарским, укреплением и полуразрушенной линией, берущей начало от горы и проходящей мимо деревни Вышки до деревни Растоки на Свияге.

Не могу не сказать о том, что благодаря милости Его превосходительства господина губернатора Казани Андрея Никитича Квашнина-Самарина я получил в высшей степени примечательную, редко встречающуюся в животном мире диковинку, а именно черного как смоль зайца, которого поймал живьем один татарин в 100 верстах от Казани. Поскольку зайца при поимке слегка поранили, а посему в дороге он может подохнуть, и так как в С.-Петербурге нет хорошего чучельника, то я не решаюсь посылать его в таком виде, дабы этот редкий экземпляр не пропал для Императорской Кунсткамеры, либо его плохо законсервируют. Ежели Академия и Его сиятельство наш шеф соблаговолят, чтобы заяц был доставлен живым и помещен в зверинец для забавы Ее императорского величества, то я буду ждать на сей счет дальнейших распоряжений.

П. С. Паллас

Ф. 3, оп. 32, д. 12, л. 32 — 33 об. Автограф.

Рапорт № 8 в Академию наук

28 декабря 1768 г., Симбирск

Следуя обычаю, поздравляю всех господ профессоров и членов Императорской Академии наук с наступающим Новым годом. Но если бы и не было такого торжественного повода, как можно удержаться от сердечных пожеланий столь заслуженным и достойным мужам, с коими я связан, либо узами долга и признательности, либо дружбой, дабы им всегда сопутствовало все самое лучшее и наиприятнейшее.

Прошло вот уже почти шесть месяцев, я отправил в Императорскую Академию пять рапортов, но не получил от нее никаких вестей, ни даже ответа на те вопросы, по которым я испрашивал совета и решения. Естественно, меня это приводит в некоторое замешательство, и я довольно-таки часто впадаю в ипохондрию, опасаясь, что на большем расстоянии обо мне будут вспоминать еще реже. Такая перспектива отнюдь не вдохновляет. Не знаю, получу ли я и необходимые для экспедиции книги и вещи, о которых просил в различных рапортах.

Вскоре после отсылки моего последнего рапорта №7, к коему я приложил образец каменного угля, или вернее, угольного сланца, обнаруженного моей экспедицией на Волге, я, к немалому моему удивлению, совершенно случайно узнал, что г. доктор Лепехин, для которого начиная уже с 17 ноября я не делал из всего этого открытия тайны, тоже совершил поездку в Городище и взял с собой из самого верхнего пласта некоторое количество угля. Все это — не знаю почему — держалось в полном от меня секрете, покуда я, отправляя в Самару письмо, не услышал в канцелярии, что господин доктор выслал в Академию ящичек с этим углем. Затем путем дальнейших расспросов я выведал остальное. Признаюсь, что при всем том я не могу выяснить намерений господина доктора и не могу понять его замысла. Не думаю, чтобы он возымел дерзость приписать себе открытие. По крайней мере, я уповаю в этом случае на справедливый суд Академии и посему совершенно спокоен. Однако я не мог о сем умолчать, дабы Императорская Академия не пребывала в недоумении, каковое, должно быть, вызовет двойная посылка.

При проведении некоторых дальнейших изысканий у меня появились основания предполагать, что слой угля, очевидно, простирается вверх по Волге хотя и с перерывами, но дальше, чем я думал. Ибо следы каменного угля я обнаружил также и у Тетюшей. Уголь этот, по-видимому, такого же хорошего сорта, что и собранный у Симбирска на Старой Волге, который, вероятно, происходит из более глубоких и лучших слоев городищенского пласта. Я даже думаю, что и под северной частью Симбирской горы должен залегать сланцевый уголь или же битуминозный сланец, поскольку у ее подошвы и на самой Волге, приблизительно в нескольких верстах к

северу от города, находят черную жирную и твердую глину, весьма насыщенную пиритом. Она вся наполнена колчеданом и колчеданными роговыми аммонитами и по-видимому, простирается далеко ниже уровня реки. Летом все это можно было бы исследовать более тщательно.

Благодаря любезности г. статского советника фон Рычкова мне удалось увидеть образец превосходного антрацита, открытого в поместьях г. генерала Муравьева. Этот антрацит намного легче, чем мой, и не так хорошо горит, как собранные у Симбирска блестящие куски из лучшего слоя. Если Академия прикажет, я пришлю этот уголь в большем количестве. Несколько дней назад я совершил небольшое путешествие на санях к знаменитым развалинам Болгар, где велел зарисовать сохранившиеся руины, насколько это позволяла холодная погода. Кроме того, я накупил у крестьян разных серебряных и медных монеток, собираемых там на полях, и прочих мелких предметов старины. Я вышлю их вместе с многочисленными животными и окаменелостями, кои еще находятся у меня и подлежат срочной отправке. При этом будет послан также и большой окаменелый ствол дерева, поскольку Оренбургская канцелярия уже доставила его сюда по моей просьбе. Этот ствол был прежде найден в медном руднике асессоров Твердышева и Мясникова и уже давно затребован сенатским указом для Императорской Кунсткамеры.

Капитан Рычков вернулся из своего путешествия в Оренбург и Яицкий городок и передал мне, кроме нескольких животных и различных собранных по моему запросу хороших известий, которые я включу в свой дневник, также прекрасные экземпляры омедненных деревьев из одного старого примечательного рудника в Заяицкой степи. К тому же он предпринял меры, крайне необходимые для организации дальнейших поставок редких животных.

23 декабря я забрал из здешней провинциальной канцелярии оставшееся для выплаты мне и моим людям полугодовое академическое жалованье в сумме 651 руб. 72 коп. Из прогонных денег я взял в этом году 200 руб. во Владимирской и совсем недавно 200 руб. в Симбирской провинциальной канцелярии. Сейчас я начал снимать копию с отчета за этот год и как только она будет готова, перешлю ее вместе с уже оконченным дневником и перечнем коллекций и животных, которые должны уйти не позднее первых чисел февраля. Было бы очень хорошо, если бы коллекции отослали под присмотром нарочного. Ежели Академия это разрешит, то прошу незамедлительно довести до меня соответствующие распоряжения.

П. С. Паллас

Ф. 3, оп. 32, д. 12, л. 34 — 35 об. Автограф.
Помета: Прочитан в Академическом собрании 2 февраля 1769 г.

Письмо Г. Ф. Миллеру

4 января 1769 г., Симбирск

Высокоблагородный и достопочтенный господин коллежский советник, высокочтимый покровитель!

В моем горестном одиночестве, на каковое меня обрекла судьба здесь, в Симбирске, когда я не получаю от Академии никакого ответа и никаких вестей, для меня не могло быть ничего более приятного и ничто не в состоянии было так основательно развеять мою ипохондрию, как драгоценное послание Вашего высокоблагородия от 17 декабря прошлого года, которое шло ко мне кружным путем 16 дней. Я получил письмо только вчера, 3 января, и искренне благодарен г. статскому советнику фон Рычкову за то, что он переслал его мне. Меня радует, что Ваше высокоблагородие нашли заслуживающими внимания небольшие сообщения, которые я Вам передал. Я в отношении этого чувствовал себя весьма неуверенно. Теперь я вправе надеяться, что сведения о татарских руинах в Касимове также доставят Вам удовольствие. Повторю здесь вкратце их описание, поскольку мое письмо от 17 августа, видимо, лежит без движения или утеряно Муромской канцелярией, о которой я вообще не могу сказать похвального слова. Мне кажется, что мавзолей в Касимове — самое достопримечательное из всего, что еще осталось в Болгарах. Около двух недель тому назад я побывал в этом знаменитом месте и велел зарисовать сохранившиеся руины, каждую по отдельности, и набросать общий план всей деревни, а также все точно замерил и описал. Как только у меня выпадет свободный часок, а у рисовальщика найдется время сделать копии, я порадую Ваше высокоблагородие и этими достопримечательностями и надеюсь, что настоящее сообщение будет истолковано не как злоупотребление полномочиями, а как старание послужить науке через содействие Вашего высокоблагородия.

За время этого путешествия я наменял много серебряных и медных мелких монет, которые собирают там летом крестьянские дети, а также приобрел кое-какие другие небольшие старинные предметы. Среди монет встречаются довольно грубо исполненные экземпляры, и меня весьма интересует их происхождение. Поэтому я посылаю Вашему высокоблагородию дублет одной из них. Эти монеты имеют совершенно разные реверсы. Мы видим то звезды, то цветочный орнамент, то готический, весьма замысловатый узор. Однако на всех аверсах неизменно присутствует почти один и тот же трезубец. Я также приобрел какие-то частично еще целые, частично разбитые диски диаметром примерно в 3 дюйма из особого темноватого металла или колокольной бронзы. С одной стороны они совершенно гладкие, а с другой украшены ободком и всевозможными цветочными или лиственными орнаментами. Что сие означает, ума неприложу.

Во время поездки я обнаружил еще несколько старых укреплений у деревни Ундоры, примерно в 22 верстах вверх по Волге от Симбирска, а также глубокий ров и вал, который отрезает с южной стороны от плоской части холма круто обрывающуюся к востоку, западу и северу возвышенность у самой Волги. На ней в 2 верстах от деревни Ундоры, ближе к Симбирску, расположена деревня Городище.

Этот холм оказался для меня примечателен еще и тем, что я открыл там внушительный пласт горючего сланца средней твердости. Приблизительно в 2 верстах к югу от деревни, где холм становится плоским и лесистым, на крутом склоне, обращенном в сторону Волги, берет начало линия, которая на южной стороне также имеет ров. Она тянется в западном направлении с небольшими отклонениями на запад-северо-запад, проходит вблизи удаленной верст на 25 от Симбирска деревни Вышки, где живут мордвины, и заканчивается у деревни Растоки на Свияге. К какому времени относятся эти укрепления, по какому поводу и кто их построил, я предоставляю судить Вашему высокоблагородию. Владелец деревень Ундоры и Городище полковник Толстой уверяет, что небольшие полевые укрепления около деревни Ундоры некогда возвел знаменитый разбойник Ерасим. В Симбирской канцелярии об этом ничего не знают, хотя данная линия почти на границе Симбирского и Свияжского уездов, между обеими реками.

В канцелярии же мне сообщили сведения о другой линии, которая якобы начинается у Белого Яра и доходит до Уфы. Для меня будет большим удовольствием оказаться полезным Вашему высокоблагородию в деле обучения Вашего сына. Если Ваше высокоблагородие не сможете обеспечить мне достаточную поддержку, я буду вынужден использовать лишь те возможности, какие мне представятся.

Серный городок я посещу только весной. Но сейчас я мог бы оказать Вам услугу, послав несколько других дублетов. В феврале думаю снарядить большой обоз в Академию. Заканчиваю письмо за недостатком места и остаюсь с совершеннейшим почтением Вашего высокоблагородия покорнейшим слугой.

П. С. Паллас

P. S. Я написал в Воронежскую канцелярию и одновременно г. надворному советнику Попову, назначенному товарищем [губернатора], и просил снять копии с касимовских надписей, что вызвался исполнить тамошний мулла. Ф. 21, оп. 3, д. 222, л. 73 — 74 об.

Автограф.

Письмо Г. Ф. Миллеру

14 января 1769 г., Симбирск

Высокоблагородный и высокопочтенный господин коллежский советник, многоуважаемый покровитель!

Я уже давно решился бы написать Вашему высокоблагородию, если бы не мое всегдашнее опасение отвлечь Вас тем самым от важных дел. Чувство радости, которое я испытывал при каждом новом известии о знаках благоволения, оказанных

Вашему высокоблагородию со стороны Ее императорского величества, не однажды возбуждали во мне желание поздравить Вас с этими счастливыми событиями, что я теперь и делаю. Ибо требование пополнить естественно-историческую коллекцию Его светлости господина графа Григория Григорьевича Орлова красивым образцом тех затвердевших, как агат, деревьев с прожилками медной руды, которые находят под Оренбургом, вынуждает меня наконец обратиться к Вашему высокоблагородию и обременить Вас покорнейшей просьбой представить Его сиятельству прилагаемый кусок одного такого оруденелого дерева. Разнообразные прекрасные экземпляры того же типа привез мне капитан фон Рычков, предпринявший в начале зимы путешествие в Оренбург для сбора различных коллекций. Большую их часть, как полагается, я посылаю Императорской Академии наук, присовокупив к ним прочие собранные в этом году редкости. Деревья эти, собственно, находят в старом руднике (Сайгачий рудник), который расположен всего в 15 верстах от Оренбурга в Заяицкой, или Киргизской, степи. Раньше он принадлежал графу Александру Ивановичу Шувалову, но теперь больше не разрабатывается. Там меж рудоносной породы в желтом твердом песке или мягком песчанике обнаруживают большие разломанные стволы. Похожее дерево еще раньше было найдено в Твердышевском медном руднике на реке Каргале неподалеку от Оренбурга. Целый ствол такого дерева, переправленный из Оренбурга, я посылаю Академии.

В этом году я не могу похвастаться какими-то большими открытиями. Смею заверить, что усердия и прилежания я проявил достаточно. Не буду повторять здесь ничего из того, о чем время от времени упоминал в своих рапортах в Академию; возможно, они Вам попадались на глаза. Что должно Вас заинтересовать непременно, так это живописные остатки татарских древностей в Касимове. Последние, однако, оказались в столь корыстных руках, что без высокого покровительства через несколько лет от них не останется и следа. Ханская усыпальница еще стоит, но каменные надписи уже разбиты, и поистине с мольбой взывает она к тому, кто защитил бы ее от хозяйственной деятельности господина генерала Симонова. Тот, по-видимому, в скором времени построит себе из этих обломков жилой дом, с каковой целью уже снесли и триумфальную арку, и одно здание.

В прошлом еще декабре побывал я также и в Болгарах, где добрые селяне по крайней мере оставили нетронутым то, что сохранилось от прекрасных руин. Они удовлетворяются сбором мелких монет, которые рассеяны по их полям; малую толику оных я перешлю в Академию. Вашему высокоблагородию должно быть уже известно, что моя экспедиция открыла весьма неплохую разновидность каменного угля теперь еще и на Волге.

Я осмеливаюсь обратиться к Вашему высокоблагородию с нижайшей просьбой. Сообщите мне хотя бы в нескольких словах, ежели это не помешает Вашим важным занятиям, удостоилось ли устройство Кабинета Его светлости во время осмотра счастливых знаков всевысочайшего одобрения. И будет ли мне позволено и впредь пересылать те раритеты, которые я могу приобретать в двух экземплярах и таким образом, производить изъятие без ущерба для Академии. Надеюсь также, что,

проявив обычное свое благоволение, Вы извините мою дерзость, ибо я осмелился приложить письмо Вашему другу г. надворному советнику Мотонису.

Пребываю с совершенной преданностью и истинно глубоким уважением Вашего высокоблагородия покорнейший слуга - П. С. Паллас.

ЦГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 30, л. 1 — 2 об. Автограф.

Рапорт № 9 в Академию наук

25 января 1769 г., Симбирск

С конца января я готовлю к отправке в Императорскую Академию наук оставшуюся часть всех естественно-научных и прочих достопримечательностей, собранных в прошлом 1768 году и до сего дня включительно. Тот превосходный окаменелый ствол дерева, о котором я уже упоминал в моем последнем рапорте № 8, Симбирская провинциальная канцелярия по моему требованию послала дальше на подводах точно таким способом, каким он был доставлен сюда в начале января через Ставрополь. Нет более дешевого способа перевозки в С.- Петербург этого удивительного дерева, как воспользоваться в данное время года санной дорогой. Я обозначил этот экземпляр в прилагаемом здесь перечне (литера D) под буквой F.

Все прочие окаменелости, минералы, животные, птицы, модели и т. д., запечатанные в шести ящиках, которые обозначены буквами G. H. 1. K. L. M. и уложены вместе на специально изготовленные сани, передавать для пересылки в эту канцелярию я не стал, поскольку она чинила некоторые препоны, да и переправлять вещи таким образом было бы очень долго. Я велел отправить их с г. доктором Лепехиным (коллекции которого лежат на особых санях) на трех подводах и уплатил прогонных денег до Москвы 11 руб. 10 коп. То, что я мог послать из насекомых, находится в небольшом ящике, пришедшем от г. доктора Лепехина. Они лежат там в двух верхних выдвижных ящичках. В это лето я сумел собрать слишком мало примечательных трав, так что мой гербарий за этот год посылать не стоило, тем более что он необходим на первых порах для обучения студентов.

Здесь следует и мой дневник за 1768 год. Я велел сделать с него чистовую копию, но в последней оказалось столько ошибок, что я предпочел послать мой собственноручный оригинал со всеми помарками.

Кроме того, при сем прилагаются счета расходов на путешествие 1768 года вместе с законченной мною при отъезде черной книгой, которую мне вручили в Петербурге для учета окончательных расходов на экспедиционное снаряжение. Не знаю, правильно ли я сделал, что решился прибавить оставшуюся от этого сумму к прогонным деньгам и исчислял прогонные расходы, а также издержки на починку экипажей все вместе в одной графе. Вообще же я настолько неумел и неопытен в этом деле, что заслуживаю снисхождения, ежели допустил тут ошибку. Здесь же находится и копия перечней, вложенных в упомянутые ящики, вместе с описью всех

посланных в прошлом году рапортов и посылок. Я приложил бы еще и небольшой список вопросов и просьб, высказанных в предыдущих рапортах, если бы я без того не имел оснований надеяться на скорое их разрешение.

Длительная задержка г. профессора Фалька также вынудила меня набросать план путешествия на 1769 год без учета его советов. Это могло быть сделано тем легче, что мои намерения мало зависят от занятий господ Фалька и Лепехина в этом году. 0 своем плане я сообщил им обоим письмом. Полагаю, на этот год я распределил работу таким образом, что у меня не будет повода ни для напрасной траты времени, ни для лишних расходов на прогоны, и тем самым Академия может рассчитывать на то, что все участники моей экспедиции окажут ей всевозможные услуги.

П. С. Паллас

Ф. 3, оп. 32, д. 12, л. 30 — 37. Автограф.
Помета: Прочитан в Академическом собрании 5 марта 1769 г.

Рапорт № 10 в Академию наук

14 февраля 1769 г., Симбирск

25 января я отправил Императорской Академии наук на собственных подводах и одних санях шесть больших и малых ящиков с собранными в прошлом году коллекциями. Там же лежит особый пакет, в котором находятся мой дневник и счета за прошлый год, а также проект моего путешествия на нынешний год.

Согласно этому посланному мною плану путешествия, я намереваюсь на масляной неделе или сразу же после ее окончания выехать из Симбирска по санному пути в Сызрань, чтобы к весне быть ближе к цели моих будущих исследований. Дальнейшее изучение симбирских краев я оставляю г. доктору Лепехину. Я считаю также, что было бы хорошо, если бы г. профессор Фальк поехал в Сызрань тоже санным путем, дабы оба исследователя путешествовали вниз по Волге не в одно и то же время.

В Симбирской провинциальной канцелярии я сообщу о своем отъезде и месте, куда направляюсь, чтобы мне пересылали письма, которые, возможно, поступят от Академии в мой адрес.

В качестве вложения посылаю при сем описание совершенно нового и удивительного зверька, обитающего в этой местности. Поскольку оно отличается краткостью и новизной, быть может, для него еще найдется место в 12-й части «Комментариев», ежели они не вышли в свет и Академия сочтет это описание достойным напечатания. При этом я переслал бы самого зверька, представляющего собой диковинный, новый вид земляного зайца или кролика, если бы не случилось так, что два экземпляра из числа нескольких, добытых до сих пор, оказались

непригодными для выделки чучел. Между тем сделан самый точный рисунок, и чучело, зверька может быть доставлено в ближайшее время.

Еще до моего отъезда из Симбирска я вышлю ящик с двумя удивительными в медицинском отношении животными. Они получены совсем недавно и могут стать украшением естественно-исторического кабинета: это прекрасная кабарга и очень крупный бобр из Киргизской степи.

П. С. Паллас

P.S. Я снова убедительнейше прошу переслать мне из Императорской библиотеки по еще действующему сейчас санному пути «Описание Сибири» Гмелинаи, если возможно, третью и четвертую части дневника Мессершмидта. Это необходимые для меня книги, и я не думаю, что мне в этом откажут, тем более что я потребовал для себя от Академии всего навсего четыре книги, а не целую походную библиотеку. «Сибирская история» г. профессора Фишера была бы для меня также очень полезным чтением, и я уже давно просил ее. Ф. 3, оп. 32, д. 12, л. 38 — 39.

Автограф.

Помета: Прочитан в Академическом собрании 13 марта 17б9 г.

Письмо Г. Ф. Миллеру

14 февраля 1769 г., Симбирск

Высокоблагородный и достопочтенный господин коллежский советник, многоуважаемый покровитель!

Прошу извинить, Ваше высокоблагородие, что в этот раз я в спешке набросал всего только несколько строк, дабы дать пояснение к приложенным письмам, а также покорнейше поблагодарить Вас за недавно переправленный пакет и попросить о скорейшей отсылке в Академию вложенного рапорта. Письмо г. профессору Гмелину Ваше высокоблагородие можете отложить до подходящей оказии, но я был бы очень рад получить от него ответ еще до конца зимы. На исходе масленицы или сразу же после нее я намереваюсь выехать из Симбирска и на санях добраться до Сызрани, чтобы весной быть поближе к цели. Но я уведомлю канцелярию, куда мне пересылать приходящие письма. Хотелось бы только, чтобы г. профессор Фальк прибыл сюда еще до моего отъезда. Писем из Академии я по-прежнему не получаю, и обо мне словно забыли. Но к этому я начинаю теперь уже привыкать.

Всегда и при любых обстоятельствах пребудут неизменными преданность и исключительное почтение, с которыми честь имею оставаться Вашего высокоблагородия покорнейшим слугой

П. С. Паллас

Ф. 21, оп. 3, д. 222, л. 75 — 7б. Автограф.

Рапорт № 11 в Академию наук

9 марта 1769 г., Симбирск

Поскольку завтра, 10 марта, я отсюда уезжаю и направляюсь через Ставрополь в Самару, то я передал Симбирской провинциальной канцелярии для отправки в Москву два ящика с некоторыми животными, полученными в последний момент для Императорской Кунсткамеры, и просил в письме г. коллежского советника Миллера ускорить их дальнейшее продвижение, чтобы они дошли по назначению, пока еще действует санный путь.

В ящике «А» находится сибирская кабарга, приобретением коей мы обязаны одному из сыновей достойного г. статского советника фон Рычкова; тот переслал мне ее через Омск и Оренбург из своего гарнизона в Бийской, или Бикатунской, крепости. Ящик «В» заключает в себе бобра (Castor fiber), самой крупной и черной разновидности из Киргизской степи и тетерника (Falco palumbarius).

Наверное, Императорская Академия уже получила коллекции и прочие вещи, отправленные более месяца тому назад в шести ящиках, равно как и оренбургский окаменелый ствол дерева, а также перечни всех этих вещей; они были посланы вместе с прошлогодними счетами и дневником в особом пакете.

Я желал бы, чтобы мне соблаговолили прислать через г. профессора Ловица книги, которые я повторно запрашивал в последнем рапорте, а именно: «Путешествие» Гмелина, третью и четвертую части HodegeticoМессершмидта и «Сибирскую историю» г. профессора Фишера.

П. С. Паллас

Ф. 3, оп. 32, д. 12, л. 40 — 40 об. Автограф. Помета: Получен 23 марта 1769 г.

Письмо Г. Ф. Миллеру

9 марта 1769 г., Симбирск

Высокоблагородный и высокопочтенный господин коллежский советник, высокочтимый покровитель!

Искренне благодарю Ваше высокоблагородие за последнее, в высшей степени приятное Ваше послание от 11 февраля. Неприятным для меня было в нем лишь то, что из него я узнал о Вашей болезни, и я от всего сердца желаю Вам скорейшего полного выздоровления. Вероятно, это недомогание является следствием

предрасположенности к цинготному заболеванию. Но Ваше высокоблагородие можете быстро изгнать недуг овощной диетой.

Я крайне признателен Вам за сообщенные сведения. Возможно, прежде чем прибыть в Симбирскую губернию, я предварительно напишу г. полковнику Плениснеру и попрошу собрать и переслать некоторые тамошние достопримечательности. Надеюсь также, что он проявит рвение, равное моему интересу к этим редкостям.

В доказательство серьезности моих намерений удовлетворить, насколько это возможно, Ваше желание и помочь приумножить Вашу коллекцию, я, по случаю отправки в Академию посылки, которую позволил себе адресовать Вашему высокоблагородию, направляю Вам ящичек, пмеченный литерой «С». В нем Вы найдете несколько кусков «агатового» дерева, частично омедненного; добывают это дерево в старом руднике графа Алекс [андра] Шувалова в Киргизской степи, в 15 верстах от Оренбурга (Сайгачий рудник), но теперь рудник не разрабатывается. Вероятно, шлифовкой из дерева можно было бы сделать что-нибудь полезное. Я мог бы приложить еще несколько кусков прекрасного плавучего асбеста, или «горной кожи», найденной недалеко от Мурома, у деревни Пертовой. Однако все мои вещи уже упакованы для отъезда завтра в Сызрань, а письмо Вашего высокоблагородия я получил только вчера вечером из-за скверной работы пешей почты, которая приходит сюда из Казани. Итак, в скором времени я буду иметь честь переслать Вам эти куски вместе с образцами серы из Серного городка, куда я поеду сразу же, как только сойдет снег. Поскольку, как я слышал, много этой серы можно найти на месте, то я упакую для Вас побольше кусков, чем, полагаю, окажу Вашему высокоблагородию приятную услугу. К тому же немало любителей есть и за границей. Кроме того, будущей осенью Вы можете надеяться на большее разнообразие экземпляров, так как согласно моему плану, посланному Академии, весной я поеду вдоль Самарской линии в Оренбург и прежде чем отправиться оттуда в низовья Яика, намерен осмотреть лежащие в округе плавильни и рудники.

Я положил в ящичек пакет для г. статского советника фон Тауберта с большим письмом от господина фон Рычкова и кое-какими семенами сельскохозяйственных культур, которые Тауберт у меня просил. Этот пакет, равно как и другой, приложенный для профессора Протасова г. доктором Лепехиным (который низко кланяется Вашему высокоблагородию), я прошу отослать в Петербург не через Академию, а обычной почтой.

Мне не понятно, почему г. профессор Фальк так долго задерживается в Москве и почему за 6 месяцев я не получил от Академии ни строчки, а на 9 рапортов — никакого ответа и отклика. Но все-таки я надеюсь, что приближение весны приободрит моего господина коллегу и быть может, уже заставило его выехать из Москвы

Я кончаю, присовокупив лишь к этому еще и нижайший поклон Вашей госпоже супруге и искреннее заверение в истинном почтении и преданности, с каковыми я остаюсь Вашего высокоблагородия покорнейшим слугой

П. С. Паллас

Ф. 21, оп. 3, д. 222, л. 77 — 78 об. Автограф.

Рапорт № 12 в Академию наук

15 апреля 1769 г., Самара

10 марта, когда еще действовал санный путь, я уехал из Симбирска. Но поскольку глубокий снег представлял опасность для моих тяжело груженных повозок или по крайней мере, чрезвычайно затруднял путешествие по гористой стороне Волги, то я не поехал прямо на Сызрань, как намеревался это сделать раньше, а через Ставрополь, где собрал разные хорошие сведения, направился далее вдоль Волги в Самару, чтобы дождаться здесь весны.

Я нахожусь в этом городе с 19 марта и провожу время, осматривая местность и достопримечательности вокруг Самары, а также употребляя все силы на то, чтобы обогатить Кунсткамеру Императорской Академии местными животными и птицами, которых у меня уже скопилось изрядное количество. Я вышлю их в мае, когда буду возвращаться через город, и вместе с ними все, что еще будет собрано. Долгожданная весна, которой мы здесь наслаждаемся, уже пробудила к жизни прекрасную местную флору, и поле сейчас требует, пожалуй, больше забот, нежели пашни вокруг Петербурга в конце мая месяца. Я тут сделал одно удивительное открытие, о коем нельзя умолчать. На здешних полях и во многих долинах (оврагах), которые со временем образовала в высоких берегах Самары и Волги талая вода, имеется множество настоящих тарантулов, или ядовитых пауков, необычайной величины, известных до сих пор только в южной Европе. Находят же их лишь на глубине полутора и более двух футов в песчаном суглинке на дне почти отвесно прорытого этим отвратительным насекомым хода, который он опутывает своей паутиной. Если в мае я перешлю собранных здесь животных, то приложу к ним и коробку с живыми большими тарантулами. То, что их укус в этой местности, по крайней мере сейчас, в весеннюю пору, не опасен, я испытал на себе самом и одном крестьянине, помогавшем мне собирать их. Но все же стоило бы жарким летом, продержав этих пауков долгое время без пищи, проверить еще и на животных или на каком-либо преступнике те опасные и вредные свойства, которые им приписывают.

Перед отъездом из Симбирска я нанял второго егеря, или точнее, зверолова, на излишек, оставшийся от денег, предназначенных на выплату жалованья, что, надеюсь, будет одобрено Академией наук. Как только Волга, вскрывшаяся 11 апреля, освободится ото льда, я думаю поехать в Сызрань, чтобы осмотреть окрестности и места между Сызранью, Самарой и Ставрополем, откуда я, согласно моему уже представленному Академии новому плану, вернусь назад через Самару и проследую вдоль линии на Яик. Письма и приказания Императорской Академии прошу тем временем посылать прямо в Оренбургскую губернскую канцелярию, из

которой я буду получать их исправно и быстро, благодаря любезности нового господина губернатора.

П. С. Паллас

Ф. 3, оп. 32, д. 12, л. 41 — 42 об. Автограф.

Помета: Получен 31 мая 1769 г. Прочитан в Академическом собрании 30 июня 1769 г.

Источник:

Научное наследие П. С. Палласа. Письма 1768-1771 гг. Сост. В. И. Осипов. СПб. 1993 г.